

Плюшевый мишка на нарах,

или Заключение в Бутырке как концептуальная акция

12 октября Головинский муниципальный суд освободил из-под стражи поэтессу Алину Витухновскую, обвиняемую в продаже наркотиков. Основание — поручительство русского ПЕН-центра. Судебные заседания временно приостановлены для проведения экспертизы подлинности записи телефонного разговора Алины — основного аргумента обвинения.

На следующий день я после освобождения Алина Витухновская дала интервью "Вечернему клубу".

— Алина, я поздравляю вас со свободой, пусть относительной, но свободой. Догадываюсь, что вы предпочли бы сейчас поговорить о чем-нибудь ином... но все же... С чего все началось?

— С моей статьи в "Новом времени" о синтетических наркотиках. Это было обычное журналистское исследование.

— Так за что же вас взяли?

— Видимо, в статье содержалась информация, которая их заинтересовала.

— Их? — это милицию?

— ФСБ. Когда они приходили ко мне в тюрьму, то вели некие беседы без протокола, пытались получить нужные им сведения. Их интересовал человек, у которого я брала интервью. Они полагали, что в обычной "беседе" ничего не узнают. Поэтому решили меня запугать.

— Преуспели?

— Никакой информации, которая противоречила бы журналистской этике, они от меня не получили.

— Каковы были их доводы?

— Говорили, что посадят в какую-то "определенную" камеру: "Папы, бабушки там не будет, никто тебя не спасет. Тут все происходит так, как хотим мы..." Они вели себя так, как будто — все! — моя жизнь будет кончена, если я не пойду у них на поводу. Грозили сроком в восемь лет.

— И...

— А когда поняли, что никакой информации от меня не получат, то передали дело в 7-й отдел ГУВД.

— И там все продолжилось в том же духе?

— Отнюдь. Задали пару формальных вопросов и отдали дело в суд.

— Алина, вопрос, на который я не жду ответа. Вам случалось принимать наркотики?

— Два или три раза в жизни. Один раз мне его просто подлили. Ощущение было ужасным. Видимо, у меня очень слабый организм. Выносить это я не в состоянии. Тем более что мне совершенно не нужны лишние ощущения, они меня тяготят. Как только я чувствую какое-то воздействие извне, мне становится очень неприятно и тяжело.

— "Они" знали о том, что вы принимали наркотики?

— Нет. Пока я сама не сказала.

— Алина, как она, тюрьма?

— Это совершенно ирреальное пространство. Такого быть не может, но оно... есть. Настолько все не соответствует привычным реалиям. Абсурдно, странно, нелепо. Настолько эта нелепость режет

глаз, что пропадает ощущение реальности вообще. Кажется, что попала в какое-то кино, книжку... я не знаю. Понимаю, там действует какая-то система шестидесятих, если не двадцатых годов. Стиль общения, лексика.

— Заключение?

— И персонала тоже. Слово люди попадают туда не из нормальной жизни, а из другой тюрьмы. Видимо, настолько быстро они впитывают эту жуть, что тут же лишаются своего прошлого. Когда я в первый раз вошла в камеру, мне показалось, что это сумасшедший дом. На улице вы таких лиц не увидите. Общее специфическое выражение... как бы это сказать?... не совсем адекватное.

— Вас обижали?

— Напротив, жалели. А я жалела их. Тем более что обо мне кто-то знал, кто-то за меня боролся. Теплилась все же какая-то надежда. А они... Главное и кошмарное: несоответствие степени проступка и наказания большинства этих женщин.

— Можно предположить, что впечатления не оставили вас безучастной как литератора?

— Да, я больше думала не о том, как оно все есть, а как это можно описать.

— И писали?

— Писала.

— Начиная наш разговор, Алина, я ожидал надрыва, может быть... смятения. Однако вы выглядите довольно оптимистично для человека, который вчера вышел из тюрьмы.

— На самом деле я далеко не оптимистка. Все всегда го-

ворили: какая Алина мрачная! — с самого детства. Почему она все время плачет? Почему она всем недовольна? Но когда я попала в тюрьму, то превратила все, что со мной происходит, в концептуальную акцию, это мое произведение искусства. Таким образом я пыталась быть свободной.

— Намерение по степени жесткой определенности, признаться, не вяжется с вашим обликом и манерами домашней девочки...

— Я решила: то, что случилось, — не кто-то задумал, а это задумала я. Можно сказать, что все происходит по моему

сценарию. И вот, задумав концептуальную акцию, я решила шокировать публику: все выглядило видеть меня мрачной, а тут вдруг я приезжаю на суд из мифически ужасной Бутырской тюрьмы... улыбаюсь, остро и так далее.

— И наткнулись, конечно, на ответные радушные улыбки прокурора?

— Это произвело желаемый эффект. Все были действительно шокированы. Что, конечно, не означает, будто я и в самом деле весела. Это такая игра.

— Первые впечатления от "воли", Алина?

— Ну я же еще ничего не

видела. Вчера приехала домой, мне стали беспрерывно звонить...

— Как встретили дома?

— Как могут встретить дома? Никто не ждал развязки именно в этот день, и я сама не ждала. Если раньше, например, я брала с собой на суд какие-то записи, другие нуж-

ные вещи, то на этот раз не взяла ничего, кроме игрушечного медведя. И вдруг меня отпустили!

— Вы допускаете, что можете "туда" вернуться?

— Я себе этого не представляю.

Виктор ГАЛАНТЕР.

Комментарий адвоката А. Витухновской К.Г.Нерсисяна

Дело со стадии дознания и подготовки материалов сфальсифицировано органами. Цель: не пресечение преступления, а вербовка агентуры в лице Алины Витухновской, а также использование ее журналистских материалов в собственных интересах. Материалы эти в большинстве не были опубликованы (в "Новом времени" лишь малая часть). Они остались в черновиках объемом примерно в две общие тетради, куда Алина заносила сведения о лабораториях, распространителях, потребителях и т.п. Алину не интересовала "криминальная" сторона вопроса. Она поэтесса: ее занимал внутренний мир этих людей, рынки, которые ими движут, и... теория "психоделической революции", незнакомая в практике уголовных процессов. И она с присущей ей энергией и... наивностью взялась за дело. По характеру она располагает к себе людей, с ней делились, чувствовали искреннюю заинтересованность. Все сознают, что наркотики — зло, все справедливо осуждают явление, но кто-то хочет еще и понять.

Мы безуспешно пытались обратить внимание суда на те места в записях, где собеседники Алины рассказывают о лабораториях, которые, по их мнению, работают под контролем ФСБ. Общие тетради исчезли из ее дома после обыска. Сохранились только отдельные записи, но с очень важными данными. Я представил их суду и просил, чтобы их приобщили к делу в качестве доказательств. Суд отказал, еще раз проявив нежелание касаться определенных моментов и пытаясь представить дело обыкновенной уголовщиной. Есть какая-то девушка, которая продавала наркотики и получила прибыль. Все!

Суд не хочет или не может себе позволить выйти за очерченные рамки.

Перспективы судебного разбирательства чрезвычайно сложны и

туманны. Суд просто вынужден был изменить меру пресечения, потому что вчера их, то есть работников ФСБ, уличили в совершении преступления против правосудия. На судебном заседании было неопровержимо доказано, что на начальном этапе следствия совершен подлог документов и искусственно созданы "доказательства вины". Суду больше ничего не оставалось, как "проявить объективность". Особенно с учетом общественного резонанса дела.

Суд действует под нажимом, и я не могу его в этом винить, поскольку вся судебная система — под каблуком спецслужб. Головинский суд всего лишь одно из мелких звеньев цепи. При том, что сейчас у него есть превосходная возможность отстоять и утвердить свое право на независимость.

Мое главное опасение в отношении развития событий: любой оправдательный приговор в отношении Витухновской означает обвинение ФСБ, следствия и прокурора, дававшего санкцию на арест. Поэтому им нужен хоть какой-то, но обвинительный акт. Они рады бы "дать" год, который Алина уже отсидела. Но статья по этому "делу" предусматривает лишение свободы от 6 до 15 лет с конфискацией имущества. Поэтому обвинительный приговор не может быть "слишком мягким".

В этом деле следует подчеркнуть особую роль общественной защиты и средств массовой информации, при ослаблении активности которых Алина Витухновская, я уверен на девяносто девять процентов, вернется туда, откуда вчера вышла.

При всем этом хочу подчеркнуть: процесс показывает, что в России есть силы, способные противостоять тем, кто привык расправляться с неугодными, невзирая на все и вся.